

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Постколониализм и антиколониальная борьба
THEMATIC DOSSIER:
Postcolonialism and Anti-colonial Struggle

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658

Научная статья / Research article

**Вызов «деколонизации»
и необходимость комплексного переопределения неоколониализма**

А.Л. Бовдунов

Международное «Евразийское Движение», Москва, Российская Федерация

 alexander.bovdunov@yandex.ru

Аннотация. В практической политике, равно как и в научных публикациях, все чаще поднимаются вопросы о необходимости «деколонизации» стран «второго мира» и полупериферии (в терминологии мир-системного анализа). Однако сама постановка вопроса о деколонизации применительно к странам, которые были объектами европейской колониальной экспансии, чревата как негативными последствиями в политической практике, так и теоретической путаницей. С одной стороны, дискурс «деколонизации» подстегивает сепаратистские тенденции и ведет к возникновению новых конфликтов. С другой — понятие «колониализм» становится все менее строгим: в этой оптике колониализмом можно назвать любую территориальную экспансию любого государства в любой исторический период. Понятие «колониализм» теряет свою конкретно-историческую нагрузку, а значит, превращается из научного термина в пропагандистское клише. Таким образом, исчезает возможность корректно осмыслить феномен европейского колониализма как конкретной исторической реальности, определившей судьбы народов как самой Европы, так и других частей света в Новое время, единственного «колониализма», с которым реально сталкивались народы Земли в течение последних 500 лет. Теоретический и практический, научный и политический аспекты проблемы тесно связаны между собой. Бывшие колониальные державы, более того, государства, до сих пор имеющие неравноправные зависимые территории, как, например, США, в рамках расширительного толкования понятия «колониализм» получают возможность обвинять в «колониализме» своих геополитических противников, коль скоро они представляют собой полиэтничные державы, сложившиеся в результате долгих исторических процессов, где имели место различные практики взаимодействия этносов. Сама возможность интерпретировать практики неевропейских держав (России, Китая, Ирана, Эфиопии) как колониальные связана с популярной парадигмой «внутреннего колониализма». Она возникла в рамках постколониальной теории международных отношений в европейских и американских научных центрах и по своему характеру является примером сознательно ангажированного подхода, где в центре внимания находятся наиболее маргинализированные группы — «субалтерны», но игнорируются крупные цивилизационные общности. Автор на конкретных примерах отмечает предвзятость и недостатки этого подхода, раскрывает его философские

© Бовдунов А.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предпосылки и предлагает использовать наработки фундаментальной геополитики, мир-системной теории, философии пространства и философии культуры для уточнения понятия «колониализм».

Ключевые слова: колониализм, внутренний колониализм, империя, постколониальные исследования, мир-системный анализ, функция и субстанция капитализма, геополитика, земля и море

Для цитирования: Бовдунов А. Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645—658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>

Challenge of “Decolonisation” and Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism

Aleksandr L. Bovdunov

International “Eurasian Movement”, Moscow, Russian Federation

alexander.bovdunov@yandex.ru

Abstract. The need for “decolonisation” of the Second world and semi-periphery countries (in the terminology of world-systems analysis) is increasingly raised in practical policy as well as in academic publications. However, the very question of decolonisation as applied to countries that were the targets of European colonial expansion is fraught with both negative consequences in political practice and theoretical confusion. On the one hand, the discourse of “decolonisation” encourages separatist tendencies and leads to new conflicts. On the other hand, the notion of “colonialism” is becoming less rigorous: in this perspective, any territorial expansion by any state at any time in history can be described as colonialism. The notion of “colonialism” loses its specific historical meaning and hence turns from a scientific term into a propaganda cliché. Thus, the possibility to correctly comprehend the phenomenon of European colonialism as a concrete historical reality that determined the fate of the peoples of both Europe itself and other parts of the world in Modern times, the only “colonialism” that the peoples of the world have really faced for the last 500 years, disappears. Theoretical and practical, scientific and political aspects of the problem are closely linked. Within an expansive interpretation of “colonialism”, former colonial powers, moreover, states still possessing unequal dependencies, such as the USA, are able to accuse their geopolitical opponents of “colonialism” as they are multi-ethnic powers, formed as a result of long historical processes, where various practices of ethnic interaction have taken place. The very possibility of interpreting the practices of non-European powers (Russia, China, Iran, Ethiopia) as colonial is linked to the popular paradigm of “internal colonialism.” It has emerged as part of the post-colonial theory of international relations in European and American academic centres and by its very nature is an example of a deliberately biased approach that focuses on the most marginalised groups of “subalterns” but ignores major civilisational entities. The author points out the biases and shortcomings of this approach with concrete examples, reveals its philosophical premises and suggests using the findings of fundamental geopolitics, world-systems theory, philosophy of space and philosophy of culture to clarify the concept of “colonialism.”

Key words: colonialism, internal colonialism, empire, postcolonial studies, world-system analysis, function and substance of capitalism, geopolitics, land and sea

For citation: Bovdunov, A. L. (2022). Challenge of “decolonisation” and need for a comprehensive redefinition of neocolonialism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 645—658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>

Введение

«Колониализм» как теоретический концепт и практическая проблема, несмотря на крушение колониальных империй в середине XX в., по-прежнему актуален. С одной стороны, в нем, или в «колониальности», видят едва ли не причину всех современных проблем,

с которыми сталкиваются развивающиеся страны. С другой стороны, в рамках схожей риторики тезисы о деколонизации как о необходимом векторе развития начинают применяться в отношении пространств, которые ранее сами считались жертвами колониальной политики или как минимум не считали себя колониальными державами. В первую

очередь, речь идет об условном «втором мире» (Россия, постсоветские страны, Китай), а также крупных странах «третьего мира».

«Деколонизация» России: практика дискурса и истоки идеи

23 июня 2022 г. Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе организовала в Конгрессе США мероприятие под названием «Деколонизация России: моральный и стратегический императив»¹. Сама комиссия является правительственным агентством США, созданным и контролируемым Конгрессом. Ее сопредседатель, конгрессмен Стив Коэн, открывая заседание, заявил, что русские «по сути, колонизировали свою собственную страну»². В анонсе конференции отмечалось, что «в настоящее время ведутся серьезные и противоречивые дискуссии о необходимости признания фундаментального империализма России и необходимости “деколонизации” России для того, чтобы она стала жизнеспособным участником европейской безопасности и стабильности»³.

17 марта 2022 г. Институт мира США, финансируемый из средств госбюджета Соединенных Штатов, выпустил рекомендации об освещении Специальной военной операции России на Украине для африканской аудитории. Предлагалось проводить «очевидные» параллели между борьбой африканцев за свободу от «колониального контроля» и

сопротивлением Вооруженных Сил Украины действиям России⁴.

Обвинения в колониализме и империализме в адрес России не новы. Еще в 1959 г. в приобретшей статус закона резолюции Конгресса США о «Неделе поработанных наций» содержались инвективы в адрес русского и советского «империализма» и обязательства поддержки «поработанных наций»⁵. Несколько лет ранее в журнале *Foreign Affairs*, который выпускается авторитетным в США Советом по международным отношениям, тезис о России как «колониальной империи» обосновывал экс-меньшевик Соломон Шварц (Schwarz, 1952), сотрудничавший с правительством Соединенных Штатов (Liebich, 1995, p. 264).

Другой американский советолог, Вальтер Коларц, также в начале холодной войны опубликовал книгу «Россия и ее колонии», в которой записал в «колонии» все «этнически нерусские территории СССР» (Kolartz, 1953, pp. v—vi). В отличие от В. Коларца Александр Беннигсен, французский востоковед и советолог, считал колониями России только ее азиатские территории и Кавказ (Bennigsen, 1969). А. Беннигсен пишет о «колониальной атмосфере» превосходства по отношению к инородцам, заселении русскими (земледельческая колонизация), особом характере управления и даже сохранении особых прав и обычаев народов Империи как признаках «колониальности» (Bennigsen, 1969, p. 145). Зб. Бжезинский в «Великой шахматной доске» называет русских в Центральной Азии представителями «бывшего правящего колониального класса», рассуждая о «колониальном» и «постколониальном» статусе региона (Brzezinski, 1997, pp. 93, 129—130). В работах американского историка Михаила Ходарков-

¹ См.: To Receive a Briefing on Decolonising Russia // Congress.gov. June 23, 2022. URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/joint-event/332780?s=1&r=11> (accessed: 14.10.2022); Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative // YouTube. June 23, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-iGtFXs9gvo> (accessed: 14.10.2022).

² Bosnic D. US Government Openly Advocates Destroying Russia // BRICS Information Portal. June 27, 2022. URL: <https://infobrics.org/post/36034/> (accessed: 14.10.2022).

³ Decolonisation of Russia To Be Discussed at Upcoming Helsinki Commission Briefing // Justice for North Caucasus. June 22, 2022. URL: <https://justicefornorthcaucasus.info/?p=1251683963> (accessed: 14.10.2022).

⁴ Ashby H., Sany J. On Ukraine, Africa Needs a Clearer U.S. Message // United States Institute of Peace. May 17, 2022. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/05/ukraine-africa-needs-clearer-us-message> (accessed: 15.10.2022).

⁵ Eisenhower D. Proclamation 3303 — Captive Nations Week // UC Santa Barbara. The American Presidency Project. Documents. July 17, 1959. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-3303-captive-nations-week-1959> (accessed: 15.10.2022).

ского конца 1990-х — начала 2000-х гг. (Khodarkovsky, 1999; 2002) активно продвигался тезис о колониальном характере континентальной экспансии России. После справедливых возражений, что российский опыт не вписывается в то, что называют колониализмом, имея в виду взаимоотношения Запада и стран «третьего мира» (LeDonne, 2002, р. 765), западные и российские исследователи, однако, не отказались от использования понятий «колонии» и «колониализм». Результатами попыток втиснуть российский опыт в прокрустово ложе «колониализма» стали концепты «невыраженного колониализма» (Khodarkovsky, 2011, р. 168), «гибридной империи»⁶, «самоколонизации» (Кагарлицкий, 2009; Эткин, 2013).

Общей проблемой всех этих и многих других работ по российским «колониям» и «колониализму» является то, что в них не объясняется, чем «колония» отличается от любой другой иноэтничной, завоеванной или присоединенной мирным путем территории.

Внутренняя колонизация: проблематичный концепт

В частности, этот недостаток присущ ставшей современной классикой работе Александра Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». Весьма спорным является определение, которое А. Эткин дает колониализму: «идеологическая система» колонизации, где колонизация понимается как «процесс доминирования, в котором переселенцы мигрируют из колонизирующей группы на колонизованную территорию» (Эткин, 2013, с. 17). Профессор Кембриджского университета выхватывает цитату В.О. Ключевского о том, что «история России — это история страны, которая колонизируется» (в источнике — исключительно в смысле расселения русского народа⁷),

и сближает эту «колонизацию» с европейским колониализмом. Из «крестьянской колонизации» — заселения территории Сибири русскими и представителями других народов России, проблематичного тезиса о «Сибири как колонии» сибирского сепаратиста Н. Ядринцева и злоключений вернувшегося с Кавказа коллежского асессора Ковалева, главного героя повести Н.В. Гоголя «Нос», — выводится тезис о колониальности русской культуры и наличии в России «колониализма». Этот проблематичный «колониализм» (в таком случае, почему расселение народов банту по Африке — не колониализм?) некорректно приравнивается к традиционно понимаемой под «колониализмом» специфической политике западных стран, направленной на неравноправную эксплуатацию заморских стран и народов⁸. Практическим результатом становится дискурс «деколонизации России».

В результате подобного неряшливого обращения с терминами «колониализм» и «колония» можно прийти к выводам, что «русская история колониализма... начинается в XI веке»⁹. Именно это утверждает именитый российский ученый В. Иноземцев. В таком контексте неудивительно, что и присоединение Рязанского княжества к единому Российскому государству становится для него частью «колониальной» политики Москвы.

Сам факт, что дискуссия о том, были ли Российская империя и Советский Союз колониальными образованиями, идет в течение всей второй половины XX в. и продолжается до сих пор, свидетельствует о нехватке аргументации, которая бы подкрепляла колониальный характер России. Во всех случаях российский исторический опыт пытаются подогнать под категории колониальности, основанные на западном опыте, и предсказуемо

⁶ Sinness M. Empire of the Steppe: Russia's Colonial Experience on the Eurasian Frontier // UCLA International Institute. May 5, 2014. URL: <https://www.international.ucla.edu/apc/centralasia/article/139315> (accessed: 15.10.2022).

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция II // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской

академии наук. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch02.htm> (дата обращения: 15.10.2022).

⁸ Webster R. Western Colonialism // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Western-colonialism> (accessed: 15.10.2022).

⁹ Inozemtsev V. Russia, the Last Colonial Empire // The American Interest. June 29, 2017. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/> (accessed: 15.10.2022).

находят множество исключений. Возникает вопрос: следует ли подверстывать опыт континентальной империи под западные категории «колоний» и «колониализма»?

Однако в современных постколониальных исследованиях существует теоретическая рамка, позволяющая применить термин «колониализм» к практически любой стране мира. Это концепция «внутреннего колониализма», активно применяемая в работах уже упоминавшихся Б.Ю. Кагарлицкого (Кагарлицкий, 2009), А. Эткина (Эткинд, 2013) и В. Морозова (Morozov, 2015).

Генезис концепта «внутреннего колониализма» возводят к труду В.И. Ленина «Происхождение капитализма в России», где теоретик большевизма сравнивает расчистку леса в Уфимской губернии с практиками германского колониализма в Африке и пишет о колонизации степных пространств России в конце XIX — начале XX в. (Ленин, 1950, с. 212). В первом случае, однако, классик позволил себе скорее эмоциональное высказывание, а во втором — речь идет о крестьянской колонизации, заселении свободных земель, которая не равна колониализму как системе эксплуатации, сходной с «колониализмом» заморских колоний Великобритании, Франции или Германии.

Другой источник вдохновения сторонников теории «внутренней колонизации» — Антонио Грамши. В работе 1926 г. «Некоторые аспекты Южного вопроса» А. Грамши, рассказывая о перекосах развития регионов страны, обмолвился, что «северная буржуазия подчинила себе юг Италии и острова и превратила их в эксплуатируемые колонии» (Gramsci, 2005, p. 28). Однако продолжение этой фразы заставляет сомневаться, что речь шла о чем-то большем, чем о пропагандистской метафоре. «Деколонизация» мыслилась как образцовая пролетарская революция: «Освободив себя от капиталистического рабства, пролетариат Севера освободит южные крестьянские массы, поработанные банками и паразитической промышленностью Севера» (Gramsci, 2005).

Окончательно концепт «внутреннего колониализма» был оформлен в 1960—1970-х гг.

сначала мексиканцем Пабло Гонсалесом Казановой (Casanova, 1965), а затем британским историком Майклом Хечтером. Исследование последнего, посвященное неравноправным отношениям Уэльса и Англии (Hechter, 1999), привело к масштабной дискуссии относительно применения концепта к странам и регионам, формально никогда не являвшимся колониями.

Концепт «внутреннего колониализма» при всей его неоднозначности в итоге способствовал появлению работ о «внутреннем колониализме в Китае» (Gladney, 1998), «колониальном управлении» в «Иранском Курдистане» (Hassaniyan & Sohrabi, 2022), «внутреннем колониальном Другом» в Иране (Soleimani & Mohammadpour, 2019). В результате научные журналы и уважаемые публицистические издания наполнились материалами не только о русском колониализме, но и об иранском¹⁰ или даже эфиопском¹¹ или «абиссинском» колониализме (Birru, 1981).

Пример Эфиопии показателен тем, что обвинения в «колониализме» активно использовались сепаратистами Эритреи (в то время как сама Эритрея как отдельная от Эфиопии страна также может быть названа плодом итальянского и британского колониализма) (Negash, 1997, p. 144), группами сепаратистов в Огадене и активистами национального движения оромо (Holcomb & Ibssa, 1990). С политической точки зрения этот дискурс обосновывал раздробление единственной африканской страны южнее Сахары, чьи границы были сформированы самими африканцами, а не колонизаторами. С теоретической точки зрения обвинения в колониализме в адрес традиционной Эфиопии были основаны на упрощенческом и политизированном подходе. Традиционные структуры власти в многоэтнической империи, где были переплетены

¹⁰ Caschetta A. J. Why Are Academics Ignoring Iran's Colonialism? // *National Review*. December 27, 2019. URL: <https://www.nationalreview.com/2019/12/academics-ignore-iranian-colonialism/> (accessed: 15.05.2022).

¹¹ Mergo T. Ethiopia's Problems Stem From Internal Colonialism // *Foreign Policy*. July 22, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/22/ethiopias-problems-stem-from-internal-colonialism/> (accessed: 15.05.2022).

этническая, племенная, сословная и религиозная идентичности, рассматривались исключительно с позиции зарождающихся национализмов малых народов Эфиопии, которые конструировали свои национальные идентичности на противопоставлении имперскому прошлому и настоящему (Záhořík, 2014).

После появления концепта «внутреннего колониализма» в колониализме можно было обвинить кого угодно, включая ЮАР, Таиланд, Судан и Бангладеш (Gladney, 1998). Ответственность за колониализм, которая ранее ложилась лишь на западную часть человечества, в контексте постколониальных исследований равномерно распределялась и на представителей других цивилизаций. После теоретических дискуссий о незападном колониализме неудивительно слышать речи президента Франции Эмманюэля Макрона о «русском колониализме» во время его посещения Бенина¹² или о том, что османское правление в Алжире было «колонизацией», сравнимой с колонизацией Алжира французами¹³.

Более того, Запад мог требовать от противостоящих ему государственных систем «деколонизации», превращая «постколониализм» в инструмент своей внешней политики. Неслучайно на конференции по «деколонизации России» в Конгрессе США говорилось, что русские «колонизировали свою собственную страну». Это прямая отсылка к «самоколонизации» А. Эткинды и в конечном счете — к концепту «внутреннего колониализма».

Постколониализм как ангажированная теоретическая парадигма

Для того чтобы понять причины, которые привели к использованию концепта внутреннего колониализма против западных

держав, включая жертв колониальной экспансии, необходимо обратиться к генезису постколониальных исследований, в рамках которых эта концепция и возникла.

Постколониальные исследования восходят к трудам авторов, на которых повлияла неомарксистская социальная философия. Для всех постпозитивистских подходов в международных отношениях, к которым относят и постколониализм, характерным является отрицание «нейтральности»: «ангажированность» исследователя рассматривается не как недостаток, но как неизбежная составляющая любой теоретизации.

Эту ангажированность можно прямо возвести к характерным для левой среды 1960-х гг. концепциям, в частности к М. Фуко и его идее политической функции интеллектуала как персоны, участвующей в «производстве» знания и «правды» (Foucault, 1977), которые, в свою очередь, неотделимы от власти и политики. Генеалогически эта ангажированность восходит к концептам гегемонии, «исторического блока» и «органического интеллектуала» А. Грамши (Грамши, 1991, с. 325—467) как представителя интересов угнетенных (Cox & Sinclair, 1999).

Заемствованная у А. Грамши концепция «субалтерна» как представителя маргинализованных слоев общества, лишенных политического голоса и репрезентации, стала одной из ключевых для постколониалистов. В частности, Гаятри Спивак, индийско-американская исследовательница, которую причисляют к представителям этого подхода, в работе «Могут ли угнетенные говорить» (Spivak, 1988) причислила к субалтернам индийских женщин времен британского колониального владычества в Индии. С одной стороны, они были маргинализированы колониальной администрацией, с другой — якобы патриархальными общественными структурами индийского традиционного общества. Несмотря на критику колониализма, такой подход исходит из системы ценностей, порожденных западным обществом Нового времени (Модерна) и представлением этого общества об универсальном векторе развития человечества в сторону большей эмансипации и равенства.

¹² Macron Calls Russia ‘One of the Last Imperial Colonial Powers’ on Africa Visit // France24. July 28, 2022. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220728-macron-calls-russia-one-of-last-imperial-colonial-powers-in-benin-visit> (accessed: 15.10.2022).

¹³ Turkey Slams Macron for Describing Ottoman Rule in Algeria as Colonialism // Duvarenglish. October 08, 2021. URL: <https://www.duvarenglish.com/turkey-slams-macron-for-describing-ottoman-rule-in-algeria-as-colonialism-news-59123> (accessed: 15.10.2022).

Если в 1990-х гг. ученые могли задавать вопрос о необходимости сближения теории международных отношений и постколониализма (Darby & Paolini, 1994), то к 2010-м гг. постколониализм стал одним из признанных в академическом сообществе направлений исследования международных отношений (Grovoğui, 2010). Это отражало в том числе и определенный сдвиг в общественном сознании в западной академической среде, где ранее считавшиеся радикальными теории превращались в мейнстрим.

Инструментализация постколониализма: теоретические предпосылки

Последующее развитие постколониальных исследований высветило еще одну проблему этого подхода. Постколониальные исследования претендуют на освобождение от «культурного империализма», на выражение воли «Юга», противопоставленного «Северу», говорят о взаимосвязи знания и власти. Как и другие постпозитивистские теории, постколониализм также претендует на деконструкцию властных дискурсов. Однако они не деконструируют сами себя, свои базовые аксиомы. Поскольку же идейно-философский базис постколониализма — это западные (левые) теории, порожденные западной же культурой эпохи Модерна, спецификой исторического пути Запада, его интеллектуальной эволюции, его логическими и философскими системами, то они и сами могут рассматриваться как инструменты власти, глобальной гегемонии Запада. Это подозрение усиливается тем, что подобного рода исследования проводятся в мейнстримных институтах Запада за счет средств государственных и частных инвесторов.

В результате мы видим сближение постколониалистского дискурса с мейнстримом западноцентричной философской мысли: феминизмом, космополитизмом, релятивизмом, критикой онто-тео-телео-фалло-фонологоцентризма. Так, современный британский теоретик постколониализма индийского происхождения Хоми Баба приходит к важнейшей

для постколониализма идее «гибридности» (Bhabha, 1994, p. 38), противопоставленной четкой артикуляции идентичности. Постколониалисты не настаивают на возвращении к доколониальным идентичностям, не упорствуют в аутентичности культур (Grovoğui, 2010, pp. 244—245), освобождающихся из-под влияния бывших колониальных держав, но рассматривают эти культуры как временные амальгамы, которые конструируются и деконструируются в ходе взаимодействия разных этнических и социальных групп. Мир предстает «архипелагом» (Spivak, 2021, p. 29) таких групп, что сближает постколониализм с современной идеологией мультикультурализма и принципом «разнообразия» (*diversity*) как якобы важнейшей и необходимой составляющей современного демократического либерального общества. В целом это соответствует концепту «жидкой современности» З. Баумана, где «посторонние встречают посторонних» (Bauman, 2000, p. 94).

Как отмечает филиппино-американский исследователь Эпифанио Сан Хуан, такое возвеличивание «множественности, различий и синкретизма» «происходит в поле плюралистического глобального рынка»¹⁴, где освободительный порыв антиколониальной борьбы вырождается в «эклетический космополитизм постколониальности» (San Juan Jr., 1995, p. 92).

В свою очередь, американско-израильская исследовательница профессор Нью-Йоркского университета Элла Шохат ранее подчеркивала, что «постколониальное может легко стать универсализирующей категорией, которая нейтрализует значительные геополитические различия между Францией и Алжиром, Британией и Ираком или США и Бразилией» (Shohat, 1992, p. 103). Более важным оказывается якобы то, что и те и другие встречаются с одними и теми же вызовами постколониальных, гибридных, смешанных обществ глобального мира.

¹⁴ San Juan Jr. The Limits of Postcolonial Criticism: The Discourse of Edward Said // Marxist Internet Archive. November-December, 1998. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/atc/1781.html> (accessed: 15.10.2022).

Близкое к постколониализму направление в американской академической среде — «критическая расовая теория» — стало де-факто идеологией левого крыла правящей в США Демократической партии. Как отмечает современный американский политический философ Пол Готтфрид, в современных США эта идеология — «инструмент репрессий, используемый властью имущими против тех, кто, как они опасаются, может оказать им сопротивление»¹⁵. Действуя от имени «угнетенных» и меньшинств «субалтернов» (в постколониалистской терминологии), они получают моральное право на противостояние с консервативным большинством.

Схожим образом в практической геополитике защита меньшинств и поддержка сепаратистских и радикальных движений становится инструментом стран Запада в борьбе со своими геополитическими противниками — крупными незападными государствами «второго мира» или «полупериферии»: поддержка сепаратизма в Чечне, курдских марксистских радикалов в Сирии, сепаратистов в Иране. Последние, точнее якобы угнетенные меньшинства, от имени которых они пытаются говорить, также получают статус субалтернов (Gladney, 2004; Matin, 2022).

«Колониализм»: попытка уточнения

В 1960 г., когда Генеральная Ассамблея ООН с подачи Советского Союза приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», всем участникам международных процессов было понятно, о каких территориях шла речь, а именно землях Азии, Африки, Латинской Америки, островах Тихого океана, подчиненных и эксплуатируемых европейцами и американцами. Это были заморские, как правило, иноэтничные территории, никак ранее не связанные с метрополиями, которые эксплуатировались как рынки сбыта или источники необходимого метрополиям сырья.

¹⁵ Gottfried P. Critical Race Theory Is Worse Than Marxism // The Chronicles. May 26, 2021. URL: <https://chroniclesmagazine.org/web/critical-race-theory-is-worse-than-marxism/> (accessed: 15.10.2022).

Сейчас с подачи западных исследователей, в том числе в рамках постколониального дискурса, понимание колониализма неоправданно расширяется. Если колониализм определять как «завоевание земель и богатств других народов» (Loomba, 1998, p. 3), логично прийти к выводу, что «колониализмом» были любые эпизоды человеческой истории, когда создавались сколько-нибудь обширные государственные образования. «Когда это понятие растягивается на весь мир, оно теряет смысл», — отмечает современный американский русист Джон ЛеДон (LeDonne, 2002, p. 765).

В таком случае следует либо прекращать любые научные дискуссии о колониализме (что невозможно, да и сам термин из употребления в политической и общественной сферах никуда не исчезнет), либо максимально сузить понятие колониализма, попытаться сделать его точным. Очевидно, что постколониальный дискурс в том виде, в котором он сложился сейчас, идет в прямо противоположном направлении.

Для того чтобы сделать понимание «колониализма» более осмысленным, необходимо, во-первых, отталкиваться от конкретной исторической реальности того, что точно было «колониализмом». Во-вторых, уточнить, частью каких исторических процессов был «колониализм», почему он случился, каковы его экономические, политические, юридические и философские (мировоззренческие) предпосылки и какие процессы сейчас обусловлены теми же факторами, то есть что является продолжением «колониализма». В-третьих, понять, каково место «второго мира», «полупериферии» и крупных, исторически имперских государств периферии в «колониализме» — колониалисты они или жертвы колониализма?

Колониализм в том смысле, который в это понятие вкладывался в «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», — явление Нового времени. Сомнительно применять его к Средним векам или Античности, равно как и к государственным системам, сложившимся вне *Jus Publicum Europaeum*. Этот аспект

подробно описан К. Шмиттом в «Номосе земли» (Шмитт, 2008, с. 616). То, что ассоциируется с колониализмом: расизм, идеи превосходства, рассмотрение территории чужих культур как свободного поля экспансии европейских держав, — неразрывно связано со спецификой европейского понимания пространства в Новое время, начиная с эпохи Великих географических открытий.

Вестфальское международное право и суверенитет распространялись лишь на самих европейцев (Шмитт, 2008, с. 150, 236—264). В колониях не действовал порядок, определявший жизнь в метрополиях. Более того, само наличие колоний обеспечивало этот нормативный европейский порядок — правила войны, которые нужно было соблюдать в Европе, не распространялись на колонии. Определенное равновесие в Европе поддерживалось за счет вытеснения борьбы европейских держав за свободные земли в доступные для колониальной экспансии территории (Шмитт, 2008, с. 199).

Схожее понимание «колониализма», но в контексте вытеснения противоречий капитализма из центра на периферию, в конце 1950-х гг. предложил французский философ русского происхождения Александр Кожев. Он определял «колониализм» как современную форму марксова «капитализма» XIX в. — ту систему, где «прибавочная стоимость, как и при капитализме, инвестируется частными лицами, а не государством, но изымается она не в пределах той же страны, но за ее пределами» (Кожев, 2006, с. 394). Схожую мысль, но в другом направлении развивал ранее ряд марксистских авторов, трактовавших капитализм как экстенсивную систему, основанную на эксплуатации колоний (Люксембург, 1934, с. 177—181). Этот подход повлиял на теории мир-системного анализа и зависимого развития.

В таком случае исторически явление, которое получило название «колониализм», — это расширение западной мир-системы в форме мир-экономики, основанной на неравноправной эксплуатации, до глобальных масштабов в эпоху, последовавшую за Великими географическими открытиями. Тогда

прошел переход от множества мир-экономик и мир-империй к одной глобальной мир-экономике за счет экономической, цивилизационной и культурной экспансии Запада. Колониализм — это форма покорения Западом других культур, интеграции («инкорпорации») их в его мир-систему. И. Валлерстайн справедливо отмечал: «Включение в капиталистический мир-экономический мир-экономику никогда не было инициативой тех, кого туда включали. Скорее данный процесс исходил из потребности мир-экономики в расширении своих рубежей — потребности, которая сама по себе была результатом внутренних воздействий в рамках мир-экономики» (Валлерстайн, 2016, с. 159).

Показательно, что в равной мере кандидатами на «инкорпорацию» в начале «долгого XVI века» были Индийский субконтинент, Османская империя, Российская империя и Западная Африка» (Валлерстайн, 2016, с. 159). Каждый из этих регионов столкнулся с одной и той же угрозой со стороны «мир-экономики», гегемоны которой стремились поставить эти регионы в зависимое положение. Однако реакции на эту угрозу были в каждом случае разные.

Часть стран не-Запада в условиях давления превратилась в колонии. Другая часть вынуждена была адаптироваться, частично вестернизируясь, чтобы выжить и оппонировать самому Западу. Это — Россия, Османская империя, Персия, Япония, Абиссиния в Африке, частично Китай. Как правило, эти страны в самом лучшем случае могли закрепиться на полупериферии глобальной западной мир-системы, не интегрируясь в ядро. Исключением можно назвать Японию после Второй мировой войны, но ценой стал отказ от суверенитета. Согласно И. Валлерстайну (Валлерстайн, 2016, с. 231), в XVIII в. Россия, присоединившись к мир-системе, пошла в ином направлении — пожертвовала возможностью более тесной экономической интеграции в ее ядро ради имперской мощи, сделав выбор полупериферии: либо мощь и суверенитет, либо — (возможное) более высокое место в экономической системе ценой деглобализации.

Лишено смысла использование термина «колониализм» в отношении имперских полупериферийных и периферийных стран, частью которых является «второй мир» (Россия, постсоветское пространство и Китай), если мы понимаем колониализм как политику по инкорпорации незападных стран в мир-систему Запада на подчиненных ролях. Систему, которую называют «империей-субалтерном» (Mogozov, 2015), якобы являющуюся и объектом колониализма для Европы, и субъектом колониализма для подданных, можно описать и в терминах российского представителя мир-системной теории А.И. Фурсова (Фурсов, 1996) через противоречие между функциональной (государство современного типа, бюрократия, финансовая система) составляющей капитализма, вынужденно усваиваемой державой полупериферии, дабы сохранить независимость, и ее субстанциональной (капиталистическое буржуазное гражданское общество) составляющей. Любая полупериферийная держава, если она стремится сохранить политическую самостоятельность, обречена быть «империей-субалтерном», приспособившая под свои нужды функциональную составляющую капитализма, институты современного государства, а сейчас — приспособившаяся к специфике Постмодерна.

Однако следует ли называть подобную форму спасения от прямого колониального подчинения «колониализмом» или утверждать, что такая «периферийная империя» — лишь «колониальное государство» (Кагарлицкий, 2009, с. 247), где европеизированные верхи эксплуатируют низы? Или, как пишет российский публицист Е.С. Холмогоров, имеет смысл рассматривать этот опыт полупериферии как «вхождение в капиталистическую мир-экономику, но не в качестве периферии, меняющей свою систему разделения труда, структуру экономики и т. д. по желанию заказчика, а в качестве консолидированного выгодополучателя, достаточно резистентного (прежде всего военно-политически) по отношению к европейской экспансии»¹⁶. Не будет

¹⁶ Холмогоров Е. С. Очерки Смутного Времени. Очерк второй. Два мира — две системы // Русская народная линия. 18.10.2007. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=24000> (дата обращения: 15.10.2022).

ли такая резистентность примером не колониализма, а чего-то прямо противоположного?

Колониализм — это западный, европейский и американский глобализм на его ранней стадии, коль скоро современная глобальная система есть все та же европейская мир-система Модерна, а не какая-то иная. Трудно не согласиться с утверждением, что «колонизация была основным способом переделать новый мир по европейскому образцу» (Ливен, 2007, с. 500). С этой точки зрения наработки постколониального подхода и концепций «внутреннего колониализма» адекватны, но лишь в тех случаях, когда пытаются критиковать механизмы вестернизации и модернизации, которые сопровождались разрушением альтернативных «“незападных” систем координат и способов бытия» (Фитуни, Абрамова, 2020, с. 32).

С культурологической точки зрения колониализм можно понимать как субпродукт современной западной цивилизации, которая, как отмечает современный итальянский историк Франко Кардини, поглощена идеями постоянной трансгрессии, отмены всех границ, постоянного расширения, что воплощается как в представлении об истории как бесконечном прогрессе, так и в территориальной, экономической и культурной экспансии¹⁷.

Колониализм и есть Модерн, социокультурная система Нового времени, точнее, одна из форм навязывания остальным западного Модерна как неизбежной судьбы. Колониализм немислим без западного «фаустовского духа», шпенглеровского «человека-хищника», его технического превосходства¹⁸.

Колониализм не отделим и от представлений о цивилизаторской миссии. Одной из важнейших характеристик *Jus Publicum Europaeum* было представление, что «нецивилизованный» народ не мог стать членом

¹⁷ Nieri D. Le esercitazioni NATO nel Baltico sono una minaccia per la Russia. Intervista di Umberto De Giovannangeli // Il blog di Franco Cardini. June 12, 2022. URL: <https://www.francocardini.it/minima-cardiniana-382-2/> (accessed: 15.10.2022).

¹⁸ Шпенглер О. Человек и техника // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3131> (дата обращения: 15.10.2022).

этого международно-правового сообщества (Шмитт, 2008, с. 616). Представления европейцев и американцев о мировой политике в колониальный период строились на иерархизации народов и регионов мира (Hobson, 2012, pp. 8—9), формальным выражением которой стала трихотомия американца Льюиса Моргана («дикость — варварство — цивилизация»). На высшей ступени стояли европейские «белые» «цивилизованные» народы, ниже — азиатские «варварские» «деспотии», еще ниже — «черные» «дикари». Россия, если и рассматривалась как «белая» цивилизованная страна, то все равно располагалась ниже в иерархии, чем, например, Великобритания, Турция — ниже России и т. д. Нетрудно заметить совпадение «варваров» с тем, что в будущем стало «периферией» мир-системной теории, частично — «вторым миром».

С точки зрения западных колониалистов, просвещенные и цивилизованные имели право на вмешательство в дела «дикарей» и «варваров». Не к тому же самому мы вернулись сейчас? «Цивилизация» теперь называется «демократией». «Вмешательство» в дела «демократических стран» непростительно, тогда как сами западные страны обладают правом гуманитарной интервенции или введения санкций ради демократии и «миропорядка, основанного на правилах», принятых узким кругом «цивилизованных» и «демократических стран». Более того, сам концепт «гуманитарной интервенции» исторически развился в Европе и США из расистских и колониалистских идей об оправданности вмешательства в дела «нецивилизованных» стран (Heraclides & Dialla, 2015, pp. 33—56).

Наконец, удивительно мало внимания обращают на самую очевидную геополитическую сторону колониализма. Колонии — это всегда заморские владения. В постколониальных исследованиях этот момент уходит на второй план, вплоть до описания провинций сухопутных империй (или частей метрополии) как колоний. У Эдварда Саида, однако, можно встретить интуицию, что «идея заморского правления, прыжка за пределы соседних территорий» специфична именно для культур Франции, Великобритании и

США. Это отличает их от Российской и Османской империй (Саид, 2012, с. 27, 52). Для Доминика Ливена главное отличие России от морских колониальных империй — «континентальность». Континентальность означает развитие внутри одной «экологической системы» схожего пространства, не сравнимое с открытием по-настоящему новых заокеанских миров. Это экспансия в «мире, который не был по-настоящему новым», а значит, и различия, которые отделяли жителей заморских колоний от метрополии, в континентальной империи не существовали или были выражены менее резко (Ливен, 2007, с. 365).

Основатель британской геополитики Хэлфорд Джон Маккиндер в работе «Демократические идеалы и реальность» ввел два концепта: «точка зрения человека моря» (*seaman's point of view*) и «точка зрения человека суши» (*landman's point of view*) (Mackinder, 1996, p. 38). «Человек моря» видит материк как цепь побережий, которые он стремится осваивать и контролировать извне. Именно так происходила европейская колонизация других континентов. «Человек суши» видит материк изнутри как обширную континентальную массу, к которой принадлежит он сам. С точки зрения геополитики колониализм может быть осмыслен как часть политики морских держав по контролю над сушей, включая контроль над континентальными империями и противодействие им. «Взгляд морской, внешний по отношению к материку, видит береговые территории как потенциальные колонии, как полоски земли, которые можно оторвать от остальной континентальной массы, превратить в базу, в стратегическое пространство», — отмечает российский геополитик Александр Дугин (Дугин, 2000, с. 15).

В этом контексте деколонизация может рассматриваться как усиление континентальных образований, интеграция на континентальном уровне, позволяющая преодолеть политическое, экономическое и военное давление морских держав. Это же может объяснить интерес к континентальной интеграции среди сторонников антиколониальных движений и

сблизить их идеи с интеграционными проектами «второго мира» («Один пояс, один путь», Евразийский экономический союз (ЕАЭС), панафриканские проекты).

Заключение

Постколониальные исследования дают пищу для ума, вскрывая гносеологические механизмы колониализма, гегемонии и доминирования Запада после формального провозглашения независимости бывших колоний. Нельзя не признать, что они ставят острые вопросы о сочетании модернизации и колониальности, модернизации как формы колонизации, «неправильной стороны современности» (Vasiliev, Degterev & Shaw, 2021, p.11). Самый болезненный вызов — попытки интерпретировать политику стран полупериферии в отношении собственных окраин как «колониальную». Ответом на этот вызов должно быть более тщательное рассмотрение проблем колониализма и неоколониализма в ракурсе политэкономии (мир-системная теория), философии, геополитики, исследований

международного права, истории и культурологии. Странам условного «второго мира» необходимо выстраивать свою контргегемонистскую постколониальную теорию. Следует ответить на вопрос о том, насколько опыт «второго мира» уникален и связан с геополитическими и историческими факторами, континентальностью России и Китая (Фурсов, 2001) и спецификой систем власти в обеих странах, а также в какой степени он универсален как ответ на давление колониального Запада и, следовательно, интересен для «третьего мира».

Антиколониальный дискурс может быть полностью научным, если он освободится от болезни левизны — постколониального восприятия любых сложных солидарных систем как репрессивных, любой экспансии и насилия (неизбежных в ходе истории) как «колониализма». У колониализма есть четко выраженная генеалогия и аспекты формирования и трансформации в современный международный порядок, потенциал изучения которых не исчерпан.

Поступила в редакцию / Received: 17.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е гг. Москва : Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016.
- Грамыши А. Тюремные тетради : в трех частях. Ч. 1. Москва : Политиздат, 1991.
- Дугин А. Г. Основы геополитики. Москва : Арктогея, 2000.
- Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва : Алгоритм, Эксмо, 2009.
- Кожев А. «Атеизм» и другие работы. Москва : Праксис, 2006
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950.
- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. Москва : Европа, 2007.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Москва; Ленинград : Соцэргиз, 1934.
- Саид Э. Культура и империализм. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012.
- Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26—40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>
- Фурсов А. И. Колокола Истории. Москва : ИНИОН РАН, 1996.
- Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (très-très grand espace dans une très-très longue durée) // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV, № 1—4. С. 15—114.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва : Новое литературное обозрение, 2013.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge : Polity Press, 2000.

- Bennigsen A.* Colonization and Decolonization in the Soviet Union // *Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4, no. 1, P. 141—151. <https://doi.org/10.1177/002200946900400110>
- Bhabha H. K.* *The Location of Culture*. London : Routledge, 1994.
- Birru L.* Abyssinian Colonialism as the Genesis of the Crisis in the Horn: Oromo Resistance (1855—1913) // *Northeast African Studies*. 1981. Vol. 2/3, no. 3/1. P. 93—98.
- Brzezinski Zb.* *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York : Basic Books, 1997.
- Casanova P. G.* Internal Colonialism and National Development // *Studies in Comparative International Development*. 1965. Vol. 1, no. 4. P. 27—37. <https://doi.org/10.1007/bf02800542>
- Cox R. W., Sinclair T.* *Approaches to the World Order*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
- Darby Ph., Paolini A. J.* Bridging International Relations and Postcolonialism // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1994. Vol. 19, no. 3. P. 371—397. <https://doi.org/10.1177/030437549401900304>
- Foucault M.* The Political Function of the Intellectual // *Radical Philosophy*. 1977. No. 17. P. 12—14. URL: <https://www.radicalphilosophy.com/article/the-political-function-of-the-intellectual> (accessed: 21.09.2022).
- Gladney D. C.* *Dislocating China: Muslims, Minorities, and Other Subaltern Subjects*. London : C. Hurst & Co., 2004.
- Gladney D. C.* Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 1998. No. 25. P. 1—12. <https://doi.org/10.4000/cemoti.48>
- Gramsci A.* *Southern Question*. Toronto, Buffalo, Chicago, Lancaster (UK) : Guernica, 2005.
- Grovogui S. N.* Postcolonialism // *International Relation Theories. Discipline and Diversity / ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith*. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 239—255.
- Hassaniyan A., Sohrabi M.* Colonial Management of Iranian Kurdistan; with Emphasis on Water Resources // *Journal of World-Systems Research*. 2022. Vol. 28, no. 2. P. 320—343. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2022.1081>
- Hechter M.* *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development*. New Brunswick, N.J. : Transaction Publishers, 1999.
- Heraclides A., Dialla A.* *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester : Manchester University Press, 2015.
- Hobson J. M.* *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory, 1760—2010*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Holcomb B. K., Ibssa S.* *Invention of Ethiopia: The Making of Dependent Colonial State in Northeast Africa*. Trenton, N.J. : Red Sea Press, 1990.
- Khodarkovsky M.* *Bitter Choices. Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2011.
- Khodarkovsky M.* Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550—1800 // *The Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71, no. 2. P. 394—430. <https://doi.org/10.1086/235251>
- Khodarkovsky M.* *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800*. Bloomington : Indiana University Press, 2002.
- Kolartz W.* *Russia and Her Colonies*. Hamden, CT : Archon Books, 1953.
- LeDonne J. P.* Michael Khodarkovsky, Russia's Steppe Frontier // *Cahiers du monde russe*. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 763—765. <https://doi.org/10.4000/monderusse.4044>
- Liebich A.* Mensheviks Wage the Cold War // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30, no. 2. P. 247—264. <https://doi.org/10.1177/002200949503000203>
- Loomba A.* *Colonialism/Postcolonialism*. London : Routledge, 1998.
- Mackinder H. J.* *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. Washington, DC : NDU Press, 1996.
- Matin K.* Decolonising Iran: A Tentative Note on Inter-Subaltern Colonialism // *Current Anthropology*. 2022. Vol. 63, no. 2. P. 1—4. URL: https://www.researchgate.net/publication/360258068_Decolonising_Iran_A_Tentative_Note_on_Inter-Subaltern_Colonialism (accessed: 15.10.2022).
- Morozov V.* *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London : Palgrave Macmillan, 2015.
- Negash T.* *Eritrea and Ethiopia. The Federal Experience*. Uppsala : Nordiska Afrikainstitutet, 1997.
- San Juan Jr. E.* On the Limits of “Postcolonial” Theory: Trespassing Letters from the “Third World” // *ARIEL: A Review of International English Literature*. 1995. Vol. 26, no. 3. P. 89—115. URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/ariel/article/view/31422> (accessed: 15.10.2022).

- Schwarz S. M.* Revising the History of Russian Colonialism // *Foreign Affairs*. 1952. Vol. 30, no. 3. P. 488—493. <https://doi.org/10.2307/20030915>
- Shohat E.* Notes on the “Post-Colonial” // *Social Text*. 1992. No. 31/32. P. 99—113. <https://doi.org/10.2307/466220>
- Soleimani K., Mohammadpour A.* Can Non-Persians Speak? The Sovereign’s Narration of “Iranian Identity” // *Ethnicities*. 2019. Vol. 19, no. 5. P. 925—947. <https://doi.org/10.1177/1468796819853059>
- Spivak G. Ch.* Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1988. P. 271—313.
- Spivak G. Ch.* How the Heritage of Postcolonial Studies Thinks Colonialism Today // *Janus Unbound: Journal of Critical Studies*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 19—29. URL: <https://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/JU/article/view/2309/1826> (accessed: 15.10.2022)
- Vasiliev A. M., Degterev D. A., Shaw T. M.* Decolonization, Postcolonialism, Multiple Modernities, and Persistent East — West Divide in African Studies // *Africa and the Formation of the New System of International Relations: Rethinking Decolonization and Foreign Policy Concepts (Advances in African Economic, Social and Political Development)* / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham, Switzerland : Springer International Publishing, 2021. P. 1—17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6_1
- Záhořík J.* Colonial Perspective and Nationalism(s) in Ethiopia in the Context of African Decolonization // *West Bohemian Historical Review*. 2014. Vol. 4, no 1. P. 149—174. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/295567974.pdf> (accessed: 15.10.2022).

Сведения об авторе: Бовдунов Александр Леонидович — кандидат политических наук, ведущий аналитик Международного «Евразийского Движения»; ORCID: 0000-0002-4977-0351; e-mail: alexander.bovdunov@yandex.ru